

— Вы правы. — Чжан Сы с угодливой и вместе с тем отчаянной улыбкой посмотрел на пятого принца. — Я, по сути, и не мужчина вовсе.

Неграмотному Чжан Сы куда уж тягаться с книжником, что сбежал со второй барышней? Где уж ему соперничать с императором за женщину? С какой стати хуэй-фэй подала бы с ним в бега?

Пятый принц постепенно остыл и, успокоившись, спросил Чжан Сы:

— Ты... какие отношения тебя связывают с моей матерью? Не бойся, говори правду, я не стану припоминать прошлое.

Лицо Чжан Сы на миг стало бесстрастным, он опустил голову, подумал, затем беззаботно усмехнулся и ответил пятому принцу:

— Никаких отношений. Разве может такой слуга, как я, иметь отношение к госпоже хуэй-фэй?

— Хм, — фыркнул пятый принц с досадой. — Недаром матушка говорила...

В глазах Чжан Сы мгновенно вспыхнула пугающая жестокость, он с жаром подался вперед:

— Что она говорила?

Пятый принц от неожиданной агрессии отступил на два шага и, опомнившись, пробормотал:

— Она сказала, что не помнит, чтобы ты был в доме главнокомандующего.

Лицо Чжан Сы, искаженное ожиданием, застыло. Он так и стоял, глупо и тупо глядя на пятого принца, потом уголки его губ дернулись, и он отвел взгляд, словно ожидал этого, кивнул и пробормотал:

— Конечно... конечно...

Лу Цзыяо удивился: он не думал, что хуэй-фэй вообще не помнит этого таинственного мастера. Он-то боялся, что после того, как евнух подстроит замену людей, хуэй-фэй начнет тревожиться. Но, судя по всему, для хуэй-фэй этот мастер-евнух — пустое место.

Это даже к лучшему: этот евнух ведь вроде как зарится на наложницу императора, и если бы у них действительно было общее прошлое, стало бы небезопасно.

Впрочем, возможно, хуэй-фэй солгала: при ребенке неловко рассказывать о своих поклонниках до замужества. Лу Цзыяо, поразмыслив, решил, что при бесшабашном характере хуэй-фэй она, чего доброго, призналась бы и при сыне. Дочь полководца — это не шутки.

Обычные наложницы в гареме дни напролет смотрят представления да любят цветы, но когда Лу Цзыяо в детстве приходил в покои пятого принца, он то и дело заставлял хуэй-фэй за упражнениями с копьем и палицей! Помнится, когда седьмому принцу исполнилось пять лет, он как-то раз вместе с пятым принцем носился по залам, а служанки бегали за ними с ложками, пытаясь накормить.

Хуэй-фэй это увидела, сгребла пухлого малыша за шиворот, одной рукой донесла до бокового зала, усадила на стул и как рывкнула — седьмой принц мигом присмирел и чинно уселся за трапезу. Надо знать, что пятилетний крепыш был необычным малышом: даже сам император, человек натренированный, поднимал своего толстого сына двумя руками, и то у него на лбу

жины вздувались! А хуэй-фэй подхватила его двумя пальцами — и шагала бойко!

Сушья богатырша из богатырш. По нраву она была такой же прямой, как пятый принц, и Лу Цзыяо не мог вообразить, чтобы она из-за стеснения стала отпираться, что не знает Чжан Сы как своего поклонника.

Послезавтра предстояло сопровождать Чжан Сы во дворец Чжунцуй на аудиенцию к хуэй-фэй, и Лу Цзыяо было любопытно, как она себя поведет.

Слово автора: Детеныш Лун Аотяня, которого уволокла за шиворот матушка пятого брата: — ??? А где же мой хваленый вес?

Хотя Лу Цзыяо и видел, как рос пятый принц, только сегодня он узнал о его затаенной горечи и обиде. Он-то думал, что хуэй-фэй не обращает внимания на холодность императора, ведь она же бой-баба. Среди прочих дворцовых наложниц хуэй-фэй всегда отличалась особой прелестью, но императору-гусю этот типаж был не по вкусу. Император любил женщин обольстительных, хрупких, пробуждающих желание защищать их. Разумеется, красота, вероятно, была главным критерием — о чем свидетельствует тот факт, что си-фэй не утратила благосклонности.

Лу Цзыяо призадумался и заподозрил, что вкусы этих царственных отпрысков, возможно, мало чем отличаются от вкусов императора-гуся. В исходном романе наследный принц и пятый принц взяли в жены женщин чопорных и благовоспитанных, и чувства их к супругам были довольно прохладными. А вот третий принц после узурпации престола стал не просто деспотом, но и привечал знаменитую куртизанку, вывезенную из Цзяннани, — и это была как раз красивая, обольстительная и хрупкая женщина. Даже когда его настигал в погоне Лун Аотянь, третий принц не желал бросать свою куртизанку — почти что верность до гроба.

Лу Цзыяо украдкой покосился на сидевшего рядом пухлого малыша и подумал: для задания «Сердце хладнокровного тирана» стоит взять за образец вкусы царственных братьев и отыскать для седьмого принца красивую, обольстительную и на вид хрупкую красавицу. Авось это поможет ему выполнить задание и открыть элитный магазин!

В голове у Лу Цзыяо мелькнула чопорная, церемонная наследная принцесса; интересно, так ли она держится с наследным принцем наедине. Если судить по этой закономерности, наследному принцу вряд ли нравятся слишком скромные и консервативные девушки, так что наследной принцессе лучше быть раскованнее и естественнее.

И пока Лу Цзыяо предавался мечтам о будущей любовной жизни принцев, Чжан Сы уже приступил к полномасштабному испытанию шестого принца. Это испытание заняло куда больше времени, чем у пятого принца: некоторые виды оружия Чжан Сы заставил шестого принца повторить трижды.

Шестой принц мрачнел все больше. Когда он остановился передохнуть, то тихонько спросил Чжан Сы:

— У меня что, совсем ни к чему нет таланта?

— Разумеется, нет, ваше высочество, не извольте сомневаться. — Чжан Сы, видя, что шестой принц весь в поту, пригласил его присесть за каменный столик в тени дерева. — В ваших приемах есть мягкость, которая сочетается с твердостью, чувствуется врожденная гибкость инь и ян. — Чжан Сы стоял под деревом и пояснял: — Ваш слуга обучен в основном жесткому стилю, потому мне трудно судить о вашем даровании.

Лу Цзыяо сходил к садовой калитке, попросил у служанок таз с водой и холщовое полотенце, вернулся в сад и принялся вытирать пот с лиц принцев. Только он опустил таз, как заметил, что шестой принц сидит с потерянным видом.

— Не нужно меня утешать, — шестой принц опустил голову, с укором себе пробормотал: — Я знаю, что ни на что не гожусь — ни в науках, ни в военном деле.

Пятый принц сверкнул глазами:

— Это еще что? Если ты с твоими науками — бездарность, то я тогда кто?

Шестой принц отвернулся, глядя на падающие вдалеке увядшие листья, и тихо произнес:

— У пятого все мысли о верховой езде и боевых искусствах, а я, право, уже выложился полностью.

Лу Цзыяо отжал холщовое полотенце, подошел к А-сяо, сидевшему у каменного стола, и стал вытирать с его лица пот. На душе у него было беспокойно. В исходном романе шестой принц был самым близким другом главного героя Лун Аотяня: после упразднения удельных владений его княжеский дворец остался в столице, и он считался первым красавцем-князем среди знати. Повзрослев, шестой принц, кроме успеха у женщин, по всем статьям терпел сокрушительный разгром от Лун Аотяня. Поглощенный своим увлечением мечом, он после воцарения седьмого принца то и дело, не ведая стыда, приходил к Лун Аотяню сразиться на мечах. Можно представить его будущую жизнь: то «очередная попытка вызвать младшего брата Лун Аотяня и быть битым до слез», то «коронованный актер Лун Аотянь, которому надоело это до смерти, нарочно поддается». Внешне они обмениваются победами, а на деле А-сяо остается декоративным старшим братцем при Лун Аотяне, без особых успехов в боевых искусствах.

Поэтому Лу Цзыяо подозревал, что Чжан Сы и впрямь не нашел у А-сяо никакого дарования. Вот это был конфуз.

— Я вовсе не отделяюсь любезностями, — с серьезным видом возразил Чжан Сы. — У вашего высочества действительно есть склонность к мягкому стилю боевого искусства. Беда лишь в том, что ваш слуга мало в этом понимает. Вот если бы пригласить к вам наставника школы ладони Багуа, да в придачу обучать вас по «Технике сердца Тайцзи» — ваше высочество непременно достигло бы больших успехов.

— Ладонь Багуа? — в глазах шестого принца снова вспыхнула надежда. — Это сильное искусство? А оружие не нужно?

— Оружие, конечно, тоже есть. — Чжан Сы пояснил: — Самое грозное оружие этой школы — парные секиры-мандаринки, их еще называют «меч солнца и луны». Это оружие специально создано против длинных предметов.

— Парные секиры-мандаринки? — Шестой принц посмотрел на длинное оружие вроде алебарды на стойке. — Это такие секиры?

— Да не такие. — Пятый принц, от природы знаток всякого оружия, тут же принялся объяснять: — «Солнце и луна» — это парные клинки: по форме похожи на два перекрещенных серповидных лезвия, у более длинного на обухе рукоять. Четыре острия, девять лезвий, тринадцать шипов — как раз против длинного оружия.

Шестой принц воодушевился и обернулся к Чжан Сы:

— Неужели на свете есть такое оружие? Почему я никогда не видел его в оружейной?

— Это... — Чжан Сы словно не решался говорить.

Пятый принц ответил за него:

— Потому что парные секиры-мандаринки чаще всего использовались в убийствах. Само по себе оружие грозное, но его постоянно применяли наемные убийцы, так что слава у него дурная. Потому в дворцовой оружейной его специально не ковали, но на рынке купить нетрудно.

<http://bllate.org/book/18379/1767039>